

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (2)

2012

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru**<http://archaeologie.pro>**

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2012

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2012

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2012

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh. A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N. N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

V. L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M. Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R. D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I. L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S. V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T. B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2012

© Mari State University, 2012

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Галимова М.Ш.</i> Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Икско-Бельского междуречья	6
<i>Афанасьев Г.Е.</i> О строительном материале и метрологии Хазаро-аланских городищ бассейна Дона	29
<i>Борисов Б.Д.</i> Археологические свидетельства праболгарского присутствия на территории Южной Болгарии	50
<i>Измайлов И.Л.</i> Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы)	66
<i>Данич А.В.</i> Клинковое оружие Пермского Предуралья	86
<i>Гайнуллин И.И., Ермолаев О.П., Ситдилов А.Г., Усманов Б.М.</i> Комплексное исследование разрушаемых археологических памятников на участке береговой линии Куйбышевского водохранилища у с. Измери (Спасский район РТ)	107
<i>Руденко К.А.</i> О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан	123
<i>Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.</i> Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья	146
<i>Дубровин Г.Е.</i> Пожар Торговой стороны Новгорода 1508 года	166

Публикации

<i>Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.</i> Погребение № 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия)	173
<i>Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдилов А.Г.</i> О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.)	184

Заметки

<i>Чижевский А.А.</i> Керамика с рогожными отпечатками из раскопок городища Лбище в 2003 г.	211
<i>Кочкина А.Ф.</i> Каменная литейная форма с Муромского городка на Самарской Луке	218
<i>Губайдуллин А.М.</i> Исследования на Старокуйбышевском городище	223

Хроника

<i>Ставицкий В.В.</i> III Всероссийская научная конференция «Поволжские финны и их соседи в древности и средние века»	230
<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.</i> II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей	233
<i>Кузьминых С.В., Чижевский А.А.</i> Всероссийская научная конференция «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы»	242
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 25.12.2012 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 15,75 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»

CONTENTS

Galimova M.Sh. The mesolithic – eneolithic flint assemblages
from the north part Ik-Belaya interfluent area6

Afanas'ev G.E. Buldings materials and metrology
of khazar-alan's Don basin forts29

Borisov B.D. Archaeological evidences for proto-bulgarian presence
on territory of the South Bulgaria50

Izmailov I.L. Mortuary and funeral ceremonialism and a amours complex
of the ancient and medieval population (to problem statement)66

Danich A.V. Blade weapons of the Permien Ural86

Gaynullin I.I., Ermolaev O.P., Sitdikov A.G., Usmanov B.M.
Complex research of destroyed archaeological monuments on a district
of coastline of the Kuibyshev reservoir near Izméry village
(the Spassky region of the Republic of Tatarstan)107

Rudenko K.A. Some results of researches of the Ostolopovo settlement
in area Alekseevskoe of the Republic of Tatarstan123

Nikitina T.B., Efremova D.Yu. The funeral rite of complexes with moulded
tooloes from medieval sepulchers of IX–XII centuries
of the Vetluga-Vyatka interfluve146

Dubrovin G.E. A fire of the Trade side of Novgorod in 1508166

Publications

Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I. Entombment № 67 of Keliyskiy burial
(Mountainous Ingushetia)173

Shakirov Z.G., Valiev R.R., Sitdikov A.G. About building of the suburban
part of Sviyazhsk (on materials of excavations of 2008)184

Notes

Chizhevsky A.A. Ceramics with bast prints from excavation
on the site of ancient settlement Lbishche in 2003211

Kochkina A.F. Stone casting molds from the Muromsky towm
on Samarskaya Luka218

Gubaydullin A.M. Researches on the Old-Kuibyshev
site of ancient settlement223

Chronicle

<i>Stavitsky V.V.</i> III All-Russian scientific conference «Volga Region finns and their neighbours during Antiquity and Middle Ages»	230
<i>Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G.</i> II International congress of medieval archeology of the Eurasian steppes	233
<i>Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A.</i> All-Russian scientific conference «Ananyinsky world: sources, development, communications, historical destinies»	242
List of abbreviations	248
Rules for authors	250

КРЕМНЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ МЕЗОЛИТА – ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2012 г. М.Ш. Галимова

В статье рассматривается проблема хронологического разграничения комплексов многослойного поселения эпохи камня – энеолита, расположенного в устье р. Белая, у озера Азибей. В результате минералогического и петрографического изучения кремневых комплексов выделен особый тип сырья – слоистый серый кремль. Предполагается, что пластинами и другими орудиями, изготовленными из этого специфического кремня, пользовались, в основном, в финальном неолите – раннем энеолите. Кремневый орудийный набор, найденный в хронологически близких закрытых комплексах Русско-Шуганского и Минняровского погребений, подтверждает эту гипотезу.

Ключевые слова: археология, мезолит, неолит, энеолит, кремль, пластинчатые индустрии, погребальные комплексы, Волго-Камье.

В результате масштабных охраняемых исследований, проводившихся в северной части Икско-Бельского междуречья на протяжении второй половины 1960-х – первой половины 1970-х годов, были изучены весьма важные памятники, которые вскоре стали опорными в первобытной археологии Среднего Поволжья и Приуралья. В составе Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР разведки и раскопки первобытных памятников в левобережье Камы, а также в низовьях рек Ик и Белая проводили П.Н. Старостин (начальник отряда), М.Г. Косменко, Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков (Габяшев, 1982). В эти годы были проведены раскопки разновозрастных стоянок и поселений, наиболее значимыми из которых стали стоянки неолита – раннего металла Русско-Азибейская, Русско-Азибейская III, Татарско-Азибейская II, а также мезолитические Татарско-Азибейская III и IV стоянки (Косменко, 1972; 1978; 1981; Габяшев, 1978; 1978а; 2003) (рис. 1, 2). Эти исследования опирались на предшествующие

разведки В.Ф. Генинга (1958 г.) и П.Н. Старостина (1964 г.) (Археологические памятники, 1989, с. 62–69).

Значительный вклад в изучение первобытной истории региона был внесен Е.П. Казаковым, который в 1970–1980-х годах открыл и исследовал в Икско-Бельском междуречье уникальные погребальные комплексы – Минняровское и Русско-Шуганское погребения, а также Мелля-Тамакский V могильник (рис. 1) (Археологические памятники, 1989; Казаков, 1978; 2005; 2009).

Данные исследований памятников у озера Азибей вошли в научный оборот, а различные керамические комплексы Русско-Азибейских и Татарско-Азибейской II стоянок, благодаря подробным и аргументированным статьям Р.С. Габяшева, стали фигурировать в различных культурно-хронологических построениях по эпохе камня и раннего металла Среднего Поволжья и Приуралья (Васильев, Габяшев, 1982; Наговицын, 1987; Крижевская, 1996; Васильев, Овчинникова, 2000; Выборнов, 2008; Шипилов, 2012).

Выразительные кремневые комплексы, полученные в результате исследования комплекса стоянок близ оз. Азибей, долгие годы считались слабо смешанными, относительно «чистыми». Они стали весомым аргументом в концепции формирования комплексов позднего неолита и энеолита Икско-Бельского междуречья на местной позднемезолитической основе (Габяшев, 1978а, с. 65; 2003, с. 59, 71; Косменко, 1978а, с. 21). В своей последней монографии Р.С. Габяшев рассматривал кремневую индустрию, присущую комплексу накольчатой керамики Татарско-Азибейской II стоянки, как обладающую ярко выраженными реминисценциями микролитической техники, характерной для мезолитических и неолитических памятников Южного Приуралья. Исследователь полагал, что «основные типы орудий (резцы на углу пластины, концевые скребки, скобели, сверла, проколки, бесчерешковые пластинчатые наконечники стрел и т.д.) находят убедительные аналогии в материалах Татарско-Азибейской IV мезолитической стоянки» (Габяшев, 2003, с. 71). Вместе с тем, значительную долю пластин, происходящих из заполнения ям на Русско-Азибейской стоянке и залегавших рядом с гребенчатой керамикой камской (левшинской) культурной принадлежности, Р.С. Габяшев был склонен объяснять влиянием более южных культур – носителей зачатков производящего хозяйства (Габяшев, 2003, с. 110). Вопросы происхождения пластинчатых кремневых индустрий позднеэнеолитических и энеолитических комплексов Русско-Азибейской, Русско-Азибейской III, Татарско-Азибейской II стоянок и их генетической связи с мезолитом

Татарско-Азибейской IV стоянки дискутируются до сих пор (Выборнов, 2008, с. 185).

Исследователи позднего каменного века и энеолита Среднего Поволжья и Приуралья в вопросе культурогенеза нередко оперируют двумя аргументами, касающимися кремневого инвентаря различных керамических комплексов: во-первых, пластинчатым (микропластинчатым) характером индустрии, во-вторых, так называемыми «архаическими» типами орудий, к которым обычно относят конусовидные и карандашевидные нуклеусы, резцы на сломе и ретушные, концевые скребки и т.д. При этом далеко не все специалисты берут в расчет высокую степень вероятности того, что неолитические и энеолитические культурные слои могли быть смешанными с мезолитическими, и этот факт подчас невозможно зафиксировать в процессе раскопок. Сложные постседиментационные процессы, происходящие в культуровмещающих отложениях, детально рассмотрены в работах А.Н. Сорокина, справедливо полагающего, что большинство памятников на песчаных холмах так называемой «зандровой зоны» Евразии носят многослойный и смешанный характер (Сорокин, 2011). Думается, это существенное замечание применимо не только к песчаным холмам в зандровой зоне, но и супесчаным останцам террас (так называемым «гривам») в долине р. Камы, каковыми являются возвышения на берегу оз. Азибей.

В ходе мониторинга памятников археологии в 2005 г. автору довелось лично убедиться в том, что Татарско-Азибейская IV, Русско-Азибейская, Русско-Азибейская III и Татарско-

Азибейская III (мезолитическая) стоянки находятся на расстоянии 50–70 м друг от друга и фактически образуют единый многослойный памятник, расположенный на краю возвышенности, ее склоне и у подножия на берегу озера (рис. 2, 3). Об этом свидетельствуют сохранившиеся поныне следы старых раскопов. Что касается Татарско-Азибейского II поселения (стоянки) (Археологические памятники, 1989, с. 68, № 592), то и этот памятник находится на крупном возвышении северо-восточнее Русско-Азибейского комплекса и Татарско-Азибейской IV стоянки, в непосредственной близости от Татарско-Азибейской I мезолитической стоянки (Археологические памятники, 1989, с. 68, № 591) (рис. 2). Видимо, и здесь, в раскопах 1970 и 1972 гг., могло произойти смешение каменных артефактов мезолита и эпохи раннего металла. Между тем результаты этих раскопок получили большой научный резонанс, поставив Татарско-Азибейскую II стоянку (поселение) в ряд опорных энеолитических памятников региона (Габяшев, 1978а).

К сожалению, М.Г. Косменко и Р.С. Габяшев в силу сложившейся в те годы исследовательской традиции не акцентировали внимание на фактически едином комплексе разновременных стоянок, исследованных ими на северном берегу оз. Азибей (Косменко, 1978, с. 8; Габяшев, 1978, с. 22; 1978а, с. 41). Внимательное сопоставление сведений, приведенных М.Г. Косменко в отчете и полевых дневниках работ Татарского отряда НКАЭ в 1969 и 1971 гг., с данными из последующих публикаций М.Г. Косменко и Р.С. Габяшева позволило выявить несколько досадных неточностей и разночтений в указании масштаба и

направления на север (рис. 3), а также в определении расстояния между стоянками (Отчет Татарского отряда, рис. 4; Косменко, 1981, с. 7; Габяшев, 1978а, с. 41; 1981, с. 11).

Вместе с тем М.Г. Косменко совершенно справедливо высказался против разделения единого Русско-Азибейского поселения эпохи камня – раннего металла на две стоянки (Отчет Татарского отряда, с. 5–6, рис. 4). В отличие от Р.С. Габяшева, М.Г. Косменко отметил непрерывный и смешанный характер распространения культурного слоя не только по обе стороны неглубокого овражка, но и в заполнении последнего. Именно в этом месте, по мнению М.Г. Косменко, располагалась выделенная им особо Татарско-Азибейская III мезолитическая стоянка, частично перекрытая неолитическим слоем Русско-Азибейской I стоянки (рис. 3). По наблюдениям исследователя, подъемный материал мезолитического облика распространялся полосой вдоль берега оз. Азибей на площади 4000 кв. м. Обоснованием для выделения мезолитического комплекса в сильно распаханном и отчасти смешанном культурном слое для М.Г. Косменко послужили типологические отличия мезолитических кремней от неолитических, а также разница в качестве и цвете кремневого сырья. По мнению М.Г. Косменко, все мезолитические изделия были сделаны из белого и фиолетового, изредка красноватого кремня, зачастую они покрыты беловатой патиной либо известковой коркой, что указывает на более древний возраст (Косменко, 1971, с. 111–112). Таким образом, исследователь выделил из массива кремневых артефактов, собранных им на Русско-Азибейской стоянке в 1969–1970 гг.,

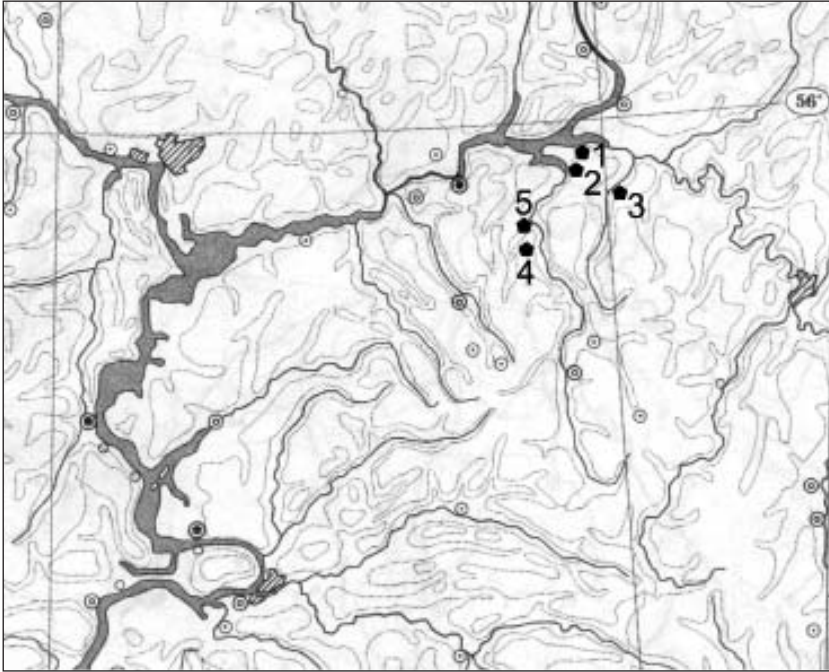

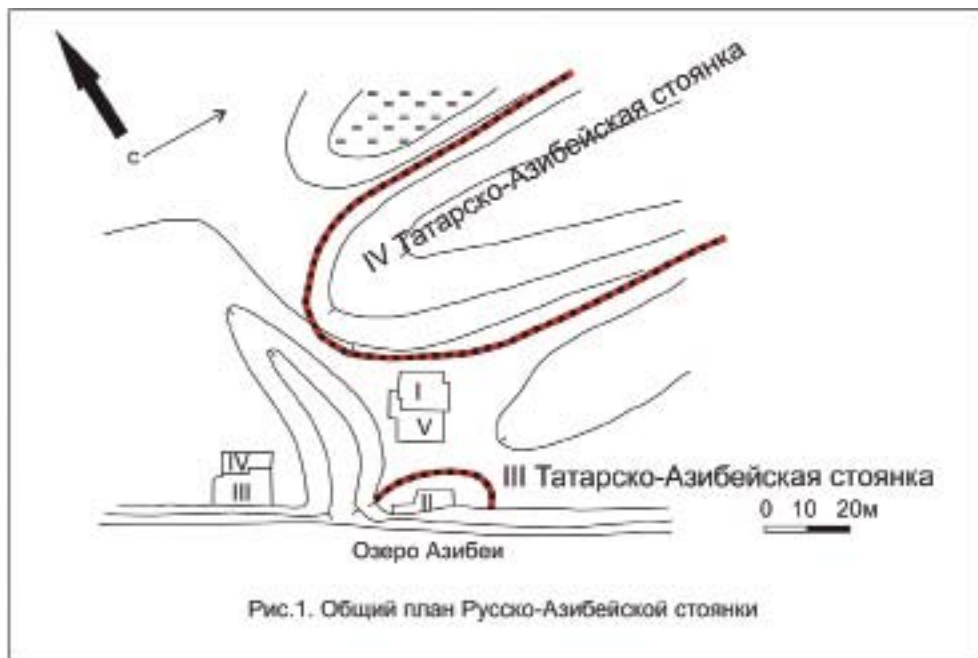
Рис. 1. Карта-схема памятников эпохи камня северной части Икско-Бельского междуречья.

- 1 – Татарско-Азибейские I, II, III, IV и Русско-Азибейские I, III стоянки;
2 – стоянка на Усть-Мензельском городище; 3 – Минняровское погребение;
4 – Русско-Шуганское погребение; 5 – Меллятамакский V могильник.

Рис. 2. Ситуационный план (на основе космоснимка) стоянок эпохи камня – раннего металла в окрестностях озера Азибей в устье р. Белая.

- 1 – IV Татарско-Азибейская; 2 – Русско-Азибейская; 3 – III Татарско-Азибейская (по М.Г. Коменко); 4 – III Русско-Азибейская; 5 – I Татарско-Азибейская;
6 – II Татарско-Азибейская; 7 – III Татарско-Азибейская.

истинное направление на север

границы мезолитических стоянок (по М.Г.Косменко, 1978, 1981)

Рис. 3. Сводный план стоянок Татарско-Азибейские III, IV и Русско-Азибейские I, III (на основе плана Р.С. Габяшева).

178 экземпляров, отнесенных к Татарско-Азибейской III мезолитической стоянке (Косменко, 1981, с. 7–8). В дальнейшем обособление Татарско-Азибейской III мезолитической стоянки в пределах Русско-Азибейского комплекса не было поддержано казанскими археологами, о чем говорит отсутствие сведений об этом памятнике в завершающем выпуске «Археологической карты», где под этим названием проходит северо-восточная часть известной Татарско-Азибейской II стоянки эпохи раннего металла (Археологические памятники, 1989, с. 68, № 593).

В свете вышесказанного циркулирующий в публикациях на протяжении последних 30 лет тезис о генетической

связи микропластинчатой кремневой индустрии Татарско-Азибейской IV стоянки с поздним комплексом накольчатой керамики с пластинчатым инвентарем из Татарско-Азибейской II стоянки остается недостаточно аргументированным. То же можно сказать и о присутствии «архаичных черт», «реминисценций» и «реликтов» в каменном инвентаре гребенчатых и накольчатых комплексов неолита-энеолита Русско-Азибейской и Русско-Азибейской III стоянок, составляющих единый комплекс с мезолитическими Татарско-Азибейскими IV и III (по М.Г. Косменко) стоянками. Для вычленения разновременных комплексов из смешанных памятников Икско-Бельского междуречья, а также

изучения вопросов происхождения и характера пластинчатой и вкладышевой кремневой индустрии в неолитических–энеолитических памятниках региона необходимо привлекать сравнительно «чистые» комплексы – погребения и недолговременные стоянки с «обедненным» инвентарем. В нашем распоряжении такие памятники имеются. В первую очередь, это вышеупомянутые погребальные комплексы: Русско-Шуганское погребение и Мелля-Тамакский V могильник, а также отчасти Минняровское погребение, (Казаков, 1978; 2005; 2009). Кроме того, в качестве недолговременной стоянки можно рассматривать энеолитический комплекс каменных артефактов, обнаруженный в ходе раскопок Усть-Мензельского городища пьяноборской культуры, исследованного в 2006 г. Д.Г. Бугровым и М.Ш. Галимовой на левом берегу р. Ик (рис. 1) (Галимова, Бугров, 2007).

Определенную помощь в разработке указанных проблем могут оказать археоминералогические исследования, направленные на изучение петрографического разнообразия артефактов из смешанных поселенческих и «чистых» погребальных комплексов. При этом желательны применение трасологического и технологического анализов каменного инвентаря.

В 2007 г. по инициативе автора было предпринято выборочное петрографическое изучение образцов кремневых сколов из коллекции Татарско-Азибейской IV стоянки (Чурбанов, 2008, с. 206). В последующие годы изучение пластинчатых комплексов из коллекций Татарско-Азибейской IV, а также частично Русско-Азибейской и Русско-Азибейской III стоянок было продолжено с учетом полученных петрографических данных.

Предварительным результатам этих разработок посвящена настоящая статья. Автор считает излишним повторять здесь полную характеристику кремневого инвентаря, полученного в ходе исследований Татарско-Азибейской IV и Русско-Азибейских стоянок, достаточно подробно представленную в публикациях (Косменко, 1971; 1972; 1978; Габышев, 1978; 1981). В стороне от темы настоящей статьи остаются и вопросы культурно-хронологической атрибуции и абсолютного датирования различных керамических комплексов Русско-Азибейских стоянок, тем более что этих вопросов касаются в последние годы многие специалисты Среднего Поволжья, Приуралья и Южного Урала (Выборнов, 2008).

Основное внимание автора сосредоточено на двух ключевых аспектах, а именно: пластинчатом (микропластинчатом) характере кремневой индустрии и наличию изделий из особого сорта кремня – серого слоистого («полосчатого» либо «с пестриной», по терминологии некоторых исследователей), довольно высокого качества. Разработка этих вопросов позволит наметить перспективные подходы в дальнейших исследованиях.

Слоистый (полосчатый) кремь и пластинчатые комплексы многослойного поселения на северном берегу озера Азибей. По наблюдениям М.Г. Косменко, обитатели Татарско-Азибейской IV стоянки использовали «белый и тонкослоистый фиолетовый, реже дымчатый кремь хорошего качества. Единичные орудия сделаны из розоватого кремня и окремнелого рыхлого желтоватого известняка» (Косменко, 1971, с. 104). Кроме того, М.Г. Косменко в ходе ис-

следований 1969–1971 гг. отметил, что на берегу оз. Азибей, где совпадают площади Русско-Азибейской и Татарско-Азибейской III стоянок, кремневые изделия неолита и мезолита различались по цвету: мезолитический кремьень – белый и фиолетовый, часто с известковым налетом, а неолитический – «сероватый, слегка дымчатый» (Отчет Татарского отряда, с. 10, 14), а в более поздней публикации «серый слоистый и окремнелый известняк» (Косменко, 1981, с. 8). В этой связи необходимо отметить, что в публикациях 1972 и 1978 гг. термин «тонкослоистый» отсутствует как по отношению к фиолетовому, так и к серому видам кремня (Косменко, 1972, с. 49; 1978, с. 13).

Кремневый инвентарь Русско-Азибейской и Русско-Азибейской III стоянки описан Р.С. Габяшевым суммарно по причине смешанного характера культурных напластований. Для Русско-Азибейской стоянки, по мнению исследователя, характерен светло-серый дымчатый кремьень хорошего качества, реже встречается белый и меловой, изредка – красновато-коричневый плитчатый (Габяшев, 1978, с. 35). Обитателями III Русско-Азибейской стоянки использовался в основном дымчатый яшмовидный кремьень (в терминологии Р.С. Габяшева), а также окремнелый известняк и редкий синевато-черный кремьень, таким образом, слоистый (полосчатый) кремьень им особо не выделялся (Габяшев, 1981, с. 20).

В результате минералогического изучения кремневого инвентаря из раскопов IV Татарско-Азибейской стоянки, проведенного А.А. Чурбановым (К(П)ФУ), из широкого спектра каменного сырья данной коллекции были

выделены образцы сколов-отходов, соответствующие всем разновидностям, из которых затем были изготовлены шлифы (Чурбанов, 2008, с. 206). При изготовлении шлифов, предназначенных для изучения с помощью поляризационной микроскопии, использовались кремневые осколки и отщепы без вторичной обработки. Эти аморфные сколы были отходами, образовавшимися в процессе подготовки нуклеусов к расщеплению на пластины, либо в ходе подправки поверхностей и углов нуклеусов на средней стадии срабатывания. Аналогичным образом необходимо в дальнейшем изучить и образцы кремнистых образований из природных источников, которые удастся обнаружить в окрестностях изучаемых памятников (Галимова, Чурбанов, 2012).

Петрографический анализ позволил выделить в коллекции Татарско-Азибейской IV стоянки две группы кремневого сырья, различные по структуре и цвету: а) слоистые линзовидные, со скоплениями зерен кварца; б) без выраженной слоистости (рис. 4). В обеих группах в шлифах присутствуют спикулы губок и фораминиферы. Таким образом, выделяется группа артефактов (преимущественно пластин) выразительного серого полосчатого (слоистого) кремня, составляющая, по нашим подсчетам, 25,8% (рис. 5). Вместе с тем, в пластинчатом и микропластинчатом комплексе стоянки преобладают экземпляры из неслоистого белого, светло-серого и прочего кремня (рис. 6).

В коллекции из раскопов Русско-Азибейской стоянки орудий и пластин из такого серого слоистого кремня значительно больше – около 42% (рис. 7). Это ножевидные пласти-

ны разной ширины и орудия из них, а также нуклеусы в разной степени сработанности, в том числе мелкие пренуклеусы. Вместе с тем, из неслоистого кремня также были изготовлены и микронуклеусы, и пластины, и различные орудия (рис. 8). Интересно соотношение пластин и длинных сколов (в том числе орудий) из слоистого и неслоистого сырья в коллекции Русско-Азиевской стоянки – 278 экз. из слоистого и 128 из неслоистого кремня. Таким образом, технология расщепления слоистого кремня для производства пластин, в том числе и микропластин (судя по присутствию мелких пренуклеусов), по всей видимости, была присуща в большей степени обитателям Русско-Азиевской стоянки, нежели IV Татарско-Азиевской.

Определение источников сырья для изготовления орудий древним населением, путей его распространения по территории той или иной археологической культуры и возможности использования в различные археологические периоды является одной из важнейших проблем в изучении каменного века любого региона. Нередко исследователи эпохи камня Поволжья и Урала находят свидетельства применения в качестве сырья для изготовления орудий не только местных конкреций, плиток и галечников с отмелей рек и озер, но и качественного каменного сырья, принесенного издалека (Мосин, Никольский, 2006; Мосин, 2011). По предположению А.А. Чурбанова, разница в строении слоистых и неслоистых кремней Татарско-Азиевской IV стоянки могла быть связана не только с их территориально разным генезисом, но и возможным формированием на разных стратиграфических

уровнях осадков, которые отложились в пермский период на одной территории. К сожалению, до сих пор источников кремня в северной части Икско-Бельского междуречья обнаружить не удалось. Во многом причиной тому служит постоянно высокий уровень Нижнекамского водохранилища.

Таким образом, вопросы выявления и идентификации источников слоистого кремня остаются открытым. В этой связи уместно рассмотреть характер кремневого сырья и степени пластинчатости упомянутых выше «чистых» комплексов рассматриваемой территории.

Слоистый кремень и пластинчатые комплексы северной части Икско-Бельского междуречья. Пластины и орудия из серого слоистого кремня, тождественного «азиевскому», зафиксированы в погребальных памятниках, расположенных юго-западнее и юго-восточнее оз. Азиев (рис. 1). Это Русско-Шуганское погребение, Мелля-Тамакский V могильник в долине р. Ик и Минняровское погребение на р. Сюнь (Казаков, 1976; 2005; 2011). Е.П. Казаков описывает данный вид кремня как «плотный, серый либо сероватый, с «пестриной» (Казаков, 2011, с. 35, 42, 47). Русско-Шуганское погребение, изученное на разрушенной дюне в пойме левого берега р. Ик, представляло собой остатки костяка мужчины со следами охристой подсыпки, сопровождавшиеся богатым каменным и костяным инвентарем, а также украшениями из раковин моллюска и резцов байбака (Казаков, 1978). Кремневый и керамический инвентарь погребения весьма выразителен (Казаков, 2011, с. 40–44).

Керамика представлена более чем 30 фрагментами тонкостенно-

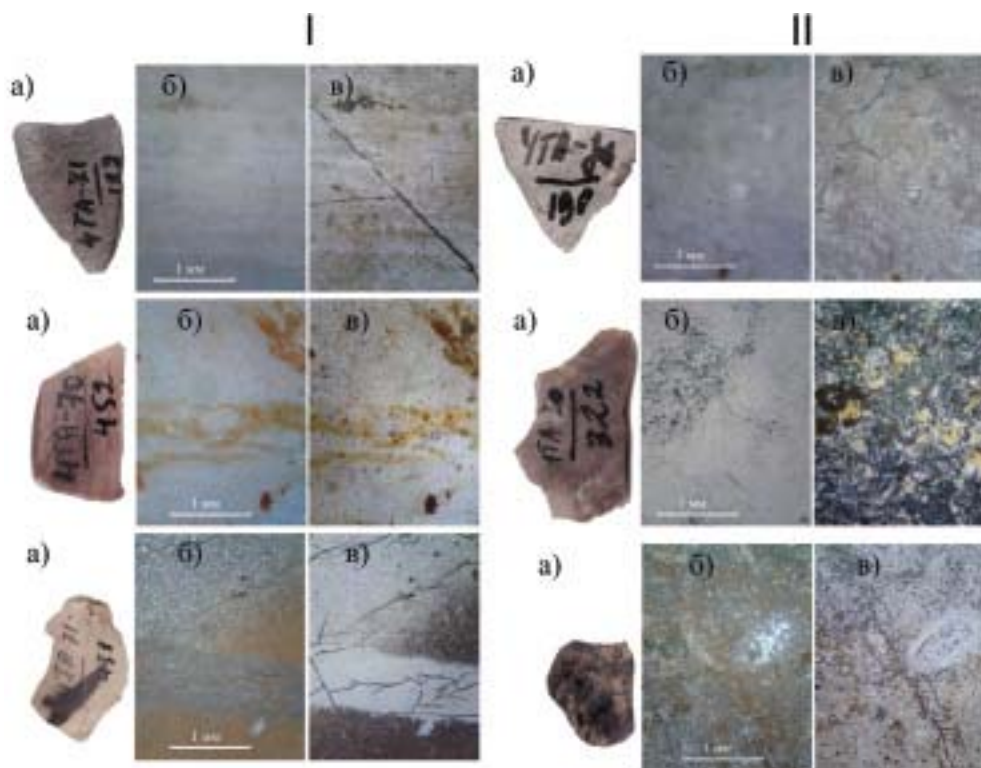

Рис. 4. Шлифы кремневых сколов-отходов из Татарско-Азибейской IV стоянки, выполненные А.А. Чурбановым. I – слоистый кремнь; II – неслоистый кремнь. а) – кремневый скол; б), в) – шлиф в разном освещении.

го (7 мм) плотного глиняного сосуда с примесью песка, а также серых и красноватых (охристых) крошек в тесте. Поверхность хорошо заглажена. Внешняя поверхность сосуда была покрыта сплошным гребенчатым орнаментом в виде вертикального зигзага (рис. 10). Е.П. Казаков высказывает сомнение в том, связан ли данный сосуд, найденных в верхней, разрушенной части погребения, с последним. По мнению исследователя, эта керамика отличается от неолитической и энеолитической посуды Русско-Азибейской, Игимской и других стоянок Икско-Бельского междуречья характером среднезубчатого четкого штампа, плотностью и тонкостенностью (Казаков, 2011, с. 41).

Кремневый инвентарь Русско-Шуганского погребения, изученный трасологически автором¹, отличается высоким уровнем пластинчатости и вкладышевой техники. Большинство пластин изготовлено из серого слоистого кремня (рис. 9). Из 70 кремневых артефактов, залежавших в погребении и близ него, 58 экз. являются пластинами разной ширины (в основном, фрагментированными). Среди них вычлняются два технологических и функциональных контекста: 1) широкие, зачастую массивные пластины, сколотые с нуклеусов с

¹ Автор выражает благодарность д.и.н. Е.П. Казакову за предоставленную возможность детально ознакомиться с инвентарем Русско-Шуганского погребения.

помощью мягкого отбойника и служившие ножами и вкладышами строгальных и режущих орудий, а также серпов; 2) узкие и средние по ширине пластины, служившие вкладышами наконечников, полученные, вероятно, путем отжима. Вторично большинство таких вкладышей использовалось в качестве резчиков. В погребении также найдены: конический нуклеус, крупная пластина-нож, концевой скребок с подтеской лезвия на брюшке, резец, массивный бифаскинжал и т.д. В комплексе имеются и четыре колющих наконечника стрел, выполненных на кремневых пластинах, вытянутой листовидной формы с ретушированным острием, которые также были использованы по назначению (рис. 9).

Найденные в Русско-Шуганском погребении единичные сечения крупных пластин, служившие вкладышами в составных (роговых либо костяных) серпах для срезания травы и злаков, а также короткие фрагменты костяных кинжалов с пазами, обнаруженные здесь же, находят прямые аналогии в материалах Мелля-Тамакского V могильника, изученного Е.П. Казаковым на противоположном берегу р. Ик. Исследователь отнес погребальные комплексы данного могильника, в котором пазовые роговые орудия сохранились гораздо лучше, к одной культурно-хронологической группе с Русско-Шуганским погребением (Казаков, 2005, с. 278; 2011, с. 47).

Находки вкладышей серпов в Русско-Шуганском погребении, особенно в сочетании с находками двух крупных кремневых ножевидных пластин – охотничьего и жатвенного ножей, позволили автору высказать предположение о необходимости

«омолодить» возраст данного комплекса и отнести его к энеолиту ввиду возможного наличия на кремневом инвентаре признаков растениеводства (Галимова, 2007; 2008; Galimova, 2008). Хотя автору пока не удалось (в силу объективных причин) провести трасологическое изучение инвентаря Мелля-Тамакского V могильника, наличие изогнутых пазовых орудий, которые, скорее всего, были жатвенными (Казаков, 2005, с. 276–277; 2011, с. 127–128), в какой-то мере подтверждает предположение об энеолитическом возрасте рассматриваемых погребальных комплексов.

Следует напомнить, что И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев также считали Русско-Шуганское погребение не характерным для неолита Нижнего Прикамья. Исследователи связывали его с воздействием либо проникновением носителей самарской культуры (Васильев, Габяшев, 1982). В этой связи обратим внимание на сходство фрагментов сосуда с гребенчатой («елочной») орнаментацией, найденного над Русско-Шуганским погребением, с некоторыми типами гребенчатой керамики, найденных на Русско-Азибейской и Татарско-Азибейской II стоянках. Р.С. Габяшев выделил в материалах Русско-Азибейской стоянки комплексы лепной посуды позднееолитического облика с примесью крупнозернистого песка и мелкого шамота, изредка – красной охры либо мелкой гальки (Габяшев, 1978, с. 32). Распространенным типом орнамента данной керамики, по наблюдениям исследователя, была «елочка» (Габяшев, 1978, рис. 5: 2; 6: 12; 7: 3). В коллекции из раскопов Татарско-Азибейского II поселения также отмечены фрагменты лепной керамики с примесью песка

Рис. 5. Татарско-Азибейская IV стоянка. Артефакты из слоистого кремня.

Рис. 6. Татарско-Азиевская IV стоянка. Артефакты из различного кремня.

Рис. 7. Русско-Азиебейская стоянка. Артефакты из слоистого кремня.

Рис. 8. Русско-Азибейская стоянка. Артефакты из различного кремня.

Рис. 9. Русско-Шуганское погребение. Некоторые образцы кремневых орудий.

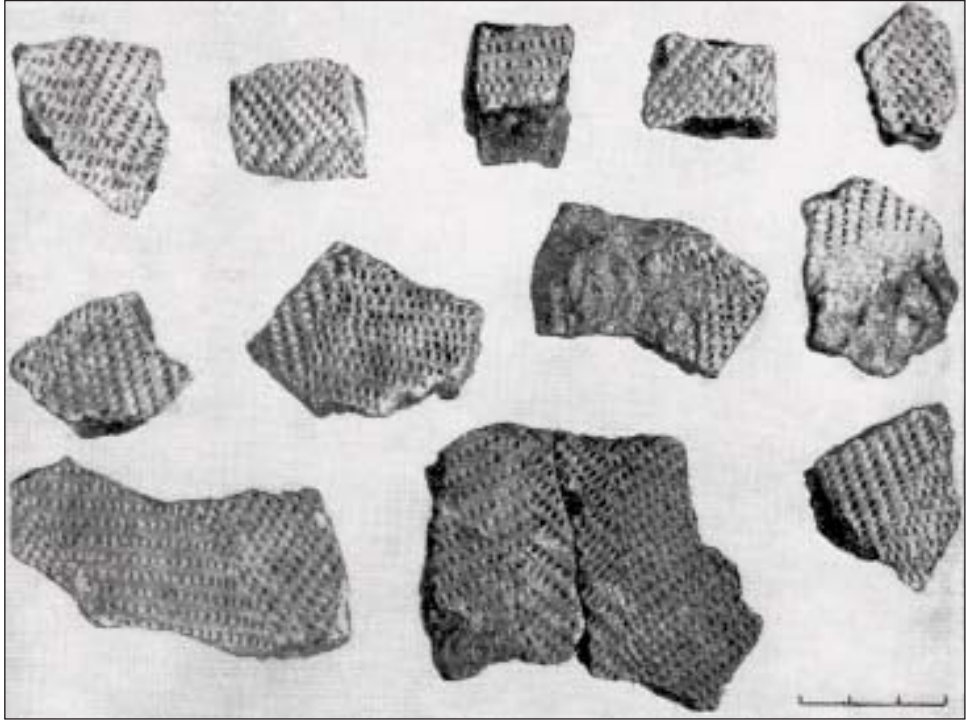

Рис. 10. Русско-Шуганское погребение.
Фрагменты глиняного сосуда (по Е.П. Казакову).

в тесте, заглаженной поверхностью, часть из которых украшена «елочным» узором из оттисков гребенчатого штампа (Габяшев, 1978а, с. 55, 58, рис. 10: 4, 10; 11: 1, 2).

Неслучайный характер нахождения фрагментов вышеописанного сосуда с гребенчатой орнаментацией в связи с Русско-Шуганским погребением можно подтвердить с помощью материалов Старо-Нагаевского энеолитического могильника, исследованного В.С. Стоколосом на правом берегу р. Белая в Башкирии (Стоколос, 1984). В погребениях №1 и №8 могильника залегали круглодонные сосуды открытой полуяйцевидной формы, с примесью песка и шамота в тесте, плотными заглаженными стенками и сплошным зубчатым орнаментом, состоявшим из попеременно наклон-

ных оттисков штампа. В погребальном инвентаре отмечены единичные изделия: сечения пластин-вкладыши, скребки, отщепы из серого качественного кремня, а также зубы бобра и костяной наконечник стрелы (Стоколос, 1984, с. 26, 28, 40).

Вместе с тем, следует вспомнить замечание А.А. Выборнова с соавторами в публикации материалов стоянки Бачки-Тау II (приустьевое правобережье р. Белая) о присутствии орудий и пластин из серого слоистого (узкополосчатого) кремня в коллекциях не только нижнебельских стоянок (Бачки-Тау II, Сауз I–II), но и памятников борской энеолитической культуры, исследованных в Пермском Прикамье В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком (Выборнов, Горбунов, Обыденнов, 1982, с. 205).

К раннеэнеолитической борской культуре, бытовавшей предположительно в первой половине III тыс. до н.э., относятся стоянки и поселения, исследованные преимущественно в устье р. Чусовая (Бор II–V, Боровое Озеро IV) и в районе г. Перми (Заюрчим I, Зверев) (Мельничук, 1990). Борская керамика в целом близка гаринской. Это посуда котлообразной формы с округло-коническим днищем, со значительной примесью органики. В ее орнаментации преобладали наклонные и вертикальные ряды гребенчатого штампа, а также зигзаг (Лычагина, 2002). Однако А.Ф. Мельничук отмечает, что наиболее ранние комплексы борской посуды чрезвычайно схожи с неолитическими, отличаются плотностью стенок, а также примесью песка и шамота в тесте, частотой узора в виде горизонтальных поясов гребенчатого зигзага, заменяющего собой «шагающую гребенку» (Мельничук, 1990, с. 98–99). Каменный инвентарь борских памятников отличается развитой пластинчатой индустрией. Доля орудий на пластинах составляет около 30%, показательна технология отделения широких массивных пластин от макронуклеусов. В целом, как отмечает А.Ф. Мельничук, борские кремневые комплексы почти не отличаются от позднеэнеолитических типа Левшино и Чашкинское озеро VI (Мельничук, 1990, с. 100).

В кремневом инвентаре Русско-Шуганского погребения мы видим, кроме многочисленных правильных пластин, и макропластину-клинок, и два наконечника стрел на пластинах с усеченным основанием, и крупный бифас-кинжал, характерные для борских комплексов. Вышеописанная

керамика (развал сосуда), собранная Е.П. Казаковым над развеянным погребением, также имеет аналогии ранним борским сосудам, судя по характеристике последних, данной А.Ф. Мельничуком. Таким образом, предположение о принадлежности Русско-Шуганского погребения борской культуре раннего энеолита представляется не лишним оснований, равно как и сходство керамического материала и кремневого сырья погребения и азибейских позднеэнеолитических (по мнению Р.С. Габяшева) комплексов с гребенчатой керамикой.

В Минняровском погребальном комплексе, изученном Е.П. Казаковым на левом берегу р. Сюнь, останки охотника сопровождалось костяным кинжалом, скребком-проколкой и фрагментом долота, а также серией однотипных наконечников стрел (15 экз.) разной формы, бесчерешковых, которые были выполнены из узких и среднешироких пластин из серого слоистого кремня (Казаков, 1978; 2011; Галимова, Казаков, 2009; Galimova, 2008). Форма наконечников варьирует от ромбической и вытянутой треугольной до вытянутой листовидной, основание имеет три варианта: заостренное, усеченное и скругленное. Вторичная обработка заключалась в уплощенной ретуши, покрывающей кончик и насад на брюшке пластины, либо и на брюшке и на спинке. Трасологический анализ данного кремневого комплекса, хранящегося в фондах Национального музея Республики Татарстан, показал использование развитой пластинчатой технологии (с помощью мягкого отбойника и отжима) и следы метательных повреждений на многих наконечниках.

Е.П. Казаков на основании морфологии наконечников отнес Минняров-

ское погребение к рубежу мезолита и неолита, указав на аналогии в Оленеостровском могильнике, это мнение была поддержано и автором настоящей статьи (Казаков, 1978; 2011; Галимова, Казаков, 2009; Galimova, 2008). Однако в свете вышесказанного в порядке предварительной гипотезы следует «омолодить» возраст Минняровского погребального комплекса до позднего неолита – раннего энеолита. Действительно, морфология пластинчатых наконечников стрел из погребения не противоречит особенностям формы листовидных наконечников борской культуры с усеченным либо округлым основанием (Мельничук, 1990, с. 100). Косвенным подтверждением нашему предположению может послужить и кремневое сырье Минняровского погребения – слоистый серый кремль.

Обратимся к кремневному инвентарю недолговременной стоянки на Усть-Мензельском городище. Результаты морфологического и трасологического анализа данного комплекса представлены в публикациях (Галимова, Бугров, 2007; Галимова, 2008, с. 72–74). В немногочисленной коллекции артефактов (110 экз.), выполненных из аналогичного «азиатскому» серого пестроцветного (слоистого) кремня, представлены как развитая пластинчатая, так и бифасиальная технологии. В инвентаре имеются характерные сколы подправки микронуклеусов и 32 пластины, в том числе сечения и острия на пластинах с ретушированными краями. Трасологическое изучение показало, что некоторые сечения пластин служили вкладышами строгальных ножей по дереву, а сечения микропластин – вкладышами составных наконечников. В основном же пластины и их фрагменты представляли собой разные варианты деревообрабатываю-

щих орудий (ножи, строгальные ножи, скребели, стамески), а также мясные разделочные ножи, стамески и скребели по шкуре и мягкому дереву. Основанием для предположения об энеолитическом возрасте данного комплекса послужила находка фрагмента шлифованной подвески из серпентина плоской каплевидной формы с двумя отверстиями. Такие сланцевые подвески известны в Волго-Камье в основном на энеолитических памятниках (стоянки Игимская, Золотая Падь, Дубовая Грива, Тенишевский могильник).

Слоистый кремль и пластинчатые комплексы Урало-Поволжья. В публикациях многослойных памятников Среднего Поволжья и Предуралья каменный инвентарь, как правило, рассматривается суммарно ввиду невозможности его разделения на разновременные (разнокультурные) комплексы. Однако, как показывает опыт отдельных исследователей региона, при наличии достаточных планиграфических данных можно выделить каменные артефакты, залегавшие на дне жилищных котлованов. Такую работу для смешанных поселений неолита-энеолита Камско-Вятского междуречья проводил Л.А. Наговицын, не пренебрегавший кропотливой работой по критике археологических источников (Наговицын, 1987). Исследователь различал: 1) однослойные поселения, 2) поселения со смешанным культурным слоем, но с наличием жилищ; 3) поселения со смешанным культурным слоем, где энеолитическая керамика выделяется типологически; 4) поселения, обследованные разведочным путем (Наговицын, 1984). Практика отбора каменных артефактов из заполнений жилищ с целью выявления особенностей каменной

индустрии отдельных керамических комплексов на многослойных поселениях довольно успешно апробирована в недавних диссертационных работах по энеолиту Камско-Вятского и Икско-Бельского междуречий (Цыгвинцева, 2011; Шипилов, 2012).

Автору неоднократно доводилось высказываться о неслучайном характере развитой пластинчатой технологии и широкого использования пластин и микропластин в составных орудиях в неолите – энеолите Среднего Поволжья и Приуралья (Галимова, 2007; 2008). Наличие в неолитических и энеолитических комплексах сечений пластин-вкладышей и микропластин, а также мелких ядрищ в начальной стадии расщепления далеко не всегда указывает на смешанный характер культурного слоя. Широкое бытование пластинчатых индустрий параллельно с технологиями производства бифасов в позднем каменном и медно-каменном веках проявляется в материалах не только погребений, но и отдельных стоянок региона.

В этой связи можно сослаться на данные В.С. Мосина о значительном пласте стоянок неолита-энеолита центральной части Урала с развитой пластинчатой и микропластинчатой индустрией (стоянки Шатанов 3, Чебаркуль II, Чебаркуль Ха, Хб, XV). Исследователь справедливо отмечает, что «микропластинчатый характер инвентаря и преимущественное использование вкладышевых орудий на стоянке, имеющей достаточно позднюю дату для эпохи камня, позволяют совершенно по-новому взглянуть на наши классификационные схемы...» (Мосин, 2011, с. 75).

Археоминералогический подход к изучению древностей каменного

века давно и прочно вошел в арсенал методов комплексных исследований уральских специалистов (Мосин, Никольский, 2008). И это не случайно, учитывая сильную эрозионную расчлененность рельефа и огромное минералогическое разнообразие горных пород Урала и прилегающих территорий. В этом отношении условия Икско-Бельского междуречья гораздо менее благоприятны для подобных комплексных изысканий.

Как было отмечено выше, в кремневом инвентаре стоянок позднего неолита-энеолита, расположенных к востоку от оз. Азибей, на правом берегу р. Белая, в ее приустьевой части, на территории Краснокамского района республики Башкортостан – Бачкитау II, Сауз I–II, также присутствуют пластины и орудия из качественного узко-полосчатого кремня серого и светло-коричневого цвета (Выборнов, Горбунов, Обыденнов, 1982, с. 200–201). По мнению исследователей, это сырье появляется в данном районе в позднем неолите.

Между тем, использование серого полосчатого кремня носителями хвалынской энеолитической культуры Среднего и Нижнего Поволжья рассматривается самарскими исследователями как одна из характерных особенностей, связывающих данную культуру с памятниками Северного Прикаспия (Барынкин, 2010).

По данным Т.А. Цыгвинцевой, в каменном инвентаре энеолитического поселения Кочуровское IV, изученного в Камско-Вятском междуречье Т.М. Гусенцовой, артефакты и серого слоистого кремня составляют 11.5% всех находок из камня, а среди орудий таких изделий уже свыше 49% (Цыгвинцева, 2010). Аналогичное

кремневое сырье предположительно валунного характера использовалось обитателями Усть-Курьинского поселения, которое относится, также как и Кочуровское IV, к новоильинской культуре (Цыгвинцева, 2009).

Заключение. В результате анализа данных планиграфии и минералогии применительно к комплексу стоянок эпохи мезолита-энеолита, исследованных около 40 лет назад на северном берегу оз. Азибей, выяснилось, что данные памятники представляют собой остатки единого многослойного поселения со смешанными культурными напластованиями.

Несмотря на то, что археоминералогические исследования комплексов каменного века Волго-Камья в целом находятся в начальной стадии (Чурбанов, 2008; Галимова, Чурбанов, 2012), первый опыт таких изысканий применительно к памятникам северной части Икско-Бельского междуречья дал определенные результаты.

В каменном инвентаре многослойного поселения у оз. Азибей, как и во многих других поселениях, выделяется несколько комплексов артефактов из различного (по цвету и текстуре) сырья. Визуальный и петрографический анализ кремневого инвентаря из раскопов Татарско-Азибейской IV мезолитической стоянки позволил разделить его на артефакты, выполненные из слоистого и неслоистого кремневого сырья. Пристальное внимание к ярко выраженному пластинчатому комплексу из слоистого (полосчатого) кремня серого цвета, присутствующего в коллекциях не только Татарско-Азибейской IV мезолитической, но и нео-энеолитических Русско-Азибейской и Русско-Азибейской III стоянок, позволило предположительно

отнести его к самым поздним этапам эпохи камня в регионе, а именно к рубежу неолита и энеолита и раннему энеолиту.

Этому предположению способствовал анализ кремневого инвентаря погребальных комплексов северной части Икско-Бельского междуречья (Минняровского и Русско-Шуганского погребений), а также кратковременной стоянки на Усть-Мензельском городище. Таким образом, минералогические и технологические исследования каменного инвентаря смешанных поселенческих и «чистых» погребальных комплексов могут оказать определенную помощь в выделении разновозрастных (и разнокультурных) кремневых индустрий из среды многослойных памятников эпохи камня – энеолита Волго-Камья даже при отсутствии данных по источникам каменного сырья.

Вместе с тем, на примере стоянок и погребений северной части Икско-Бельского междуречья можно еще раз убедиться в неслучайном присутствии микропластин и вкладышей в каменном инвентаре многослойных поселений позднего каменного века – раннего металла Урало-Поволжья. Бытование пластинчатых индустрий параллельно с технологиями производства бифасов в позднем каменном и медно-каменном веках все чаще фиксируется исследователями в материалах не только погребений, но и поселенческих комплексов региона.

Особенности каменной индустрии зачастую могли быть обусловлены спецификой сырьевой базы (местной либо удаленной от памятника). В эпоху неолита – энеолита, по верному замечанию В.С. Мосина, «несмотря на развитую в это время технологию

изготовления двусторонне обработанных орудий, необходимость экономии качественного сырья предопределяла использование в хозяйстве более экономичных вкладышевых орудий и предельную утилизацию имеющихся нуклеусов» (Мосин, 2011, с. 75). На протяжении эпохи камня и раннего металла в зависимости от качества и степени доступности каменного сырья, имевшегося в распоряжении населения, в его индустрии могут быть выделены несколько «субиндустрий»

с соответствующими сырьевыми стратегиями. Такие каменные субиндустрии могли бытовать не только последовательно (с точки зрения хронологии), но и параллельно друг другу (Тарасов, 2009). Таким образом, в обосновании культурно-хронологических схем эпохи камня и раннего металла следует учитывать вероятность гораздо более сложного развития и взаимодействия кремневых индустрий и субиндустрий в нашем регионе, чем было принято думать ранее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические памятники Восточного Закамья. – Казань, 1989.
2. Барынкин П.П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. – Самара, 2010.
3. Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982.
4. Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Ранний энеолит. Самарская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара, 2000.
5. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.
6. Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Поселение Бачки-Тау II – новый памятник неолита–энеолита Нижнего Прибеля // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982.
7. Габяшев Р.С. Русско-Азиебейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья (Отчеты НКАЭ ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда). – Казань, 1978.
8. Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиебейское поселение // Древности Иско-Бельского междуречья (Отчеты НКАЭ ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда). – Казань, 1978а.
9. Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азиебейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981.
10. Габяшев Р.С. Исследования памятников каменного века и эпохи раннего металла казанскими археологами в 1965–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. – Казань, 1982.
11. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань, 2003.
12. Галимова М.Ш. Реконструктивные возможности технологического и трасологического подходов к изучению кремневых индустрий (на примерах из первобытной археологии Волго-Камья) // Вестник антропологии. Вып. 15, ч. I. – М., 2007.
13. Галимова М.Ш. Развитие технологии производства каменных орудий и проблемы реконструкции сырьевой стратегии и охотничье-хозяйственной деятельности

первобытного населения Волго-Камья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. – Казань, 2008.

14. Галимова М.Ш., Бугров Д.Г. Новые материалы по энеолиту Икско-Бельского междуречья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К.В. Сальникова. – Уфа, 2007.

15. Галимова М.Ш., Казаков Е.П. Минняровское погребение каменного века в Икско-Бельском междуречье // Тверской археологический сборник. Вып. 7. – Тверь, 2009.

16. Галимова М.Ш., Чурбанов А.А. Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. – 2012. – Вып. 227.

17. Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. – 1978. – № 2.

18. Казаков Е.П. Детское погребение эпохи камня на востоке Татарии // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М., 2005.

19. Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. – Казань, 2011.

20. Крижевская Л.Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье. (Глава 4) // Неолит Северной Евразии. – М., 1996.

21. Косменко М.Г. Новая мезолитическая стоянка в устье р. Белой // Отчеты НКАЭ. Вып. I. – М., 1972.

22. Косменко М.Г. О некоторых мезолитических памятниках Икско-Бельского междуречья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981.

23. Косменко М.Г. Итоги раскопок IV Татарско-Азиевской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья (Отчеты НКАЭ ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда). – Казань, 1978.

24. Лычагина Е.Л. Энеолит Пермского Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь, 2002.

25. Мосин В.С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш. – Челябинск, 2011.

26. Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремль и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. – Екатеринбург, 2008.

27. Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск, 1990.

28. Наговицын Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск, 1984.

29. Наговицын Л.А. О хозяйстве населения Вятского края в эпоху энеолита // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987.

30. Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987.

31. Сорокин А.Н. О мезолитической подоснове неолитических индустрий Северной Евразии // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. – Воронеж, 2011.

32. Стоколос В.С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984.

33. Тарасов А.Ю. Адаптация к локальной сырьевой базе, технологическое развитие каменных индустрий и социальное развитие древних обществ: на примере культур Карелии периода неолита – раннего железного века // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – средневековья. Гуманитарные исследования. Вып. 4. – Петрозаводск, 2009.

34. Цыгвинцева Т.А. Сравнительный анализ кремневых индустрий раннеэнеолитических памятников бассейна р. Вятки (технологический аспект) // Тверской археологический сборник. Вып. 7. – Тверь, 2009.

35. Цыгвинцева Т.А. Каменная индустрия Кочуровского IV поселения эпохи энеолита (по данным трасологии и технологии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2010.

36. Чурбанов А.А. Минералогические и петрографические методики выявления источников сырья для производства каменных орудий // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. – Казань, 2008.

37. Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Казань, 2012.

38. Galimova M. Stone Age burial sites in eastern Tatarstan: use-wear and technological analyses of the flint assemblages// 'Prehistoric Technology' 40 years later: Functional Studies and the Russian Legacy. Proceedings of the International Congress Verona (Italy), 20–23 April 2005. BAR International Series 1783. – Verona, 2008.

39. *Архивные материалы:*

40. Отчет о работах Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Казань, 1970 // Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

41. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1972. – 201 с. // Архив ИА РАН: Р-2 2098.

Информация об авторе:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

THE MESOLITHIC – ENEOLITHIC FLINT ASSEMBLAGES FROM THE NORTH PART OF IK-BELAYA INTERFLUENT AREA

M.Sh. Galimova

The article deals with the problem of chronological demarcation of complexes from a multi-layered settlement site dated back to the Stone Age through to the Chalcolithic and located in the Belaya River mouth, in the vicinity of Azibei Lake. As a result of mineralogical and petrographic study of silicate assemblages, a peculiar type of raw material, stratified grey flint, has been identified. It is supposed that the plates and other tools made of this specific flint had been used predominantly in the Late Neolithic – Early Chalcolithic. The flint tool sets discovered in the chronologically similar isolated complexes of the Rusky Shugan and Minniarovo burial ground sites confirm this hypothesis.

Key words: archaeology, the Mesolithic, the Neolithic, the Chalcolithic, flint, plate industries, burial complexes, the Volga-Kama river region

REFERENCES

1. Kazakov, E. P. (ed.). 1989. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

2. Barynkin, P. P. 2010. In Agapov S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia eneoliticheskaia kul'tura. Issledovaniia materialov (Khvalynsk Chalcolithic Burial Grounds and*

the Khvalynsk Chalcolithic Culture: A Study of Materials). Samara: “SROO IKEKA «Povolzh’e»” Publ. (in Russian).

3. Vasil’ev, I. B., Gabiashev, R. S. 1982. In Merpert, N. Ya., Vybornov, A. A. (eds.). *Volgo-Ural’skaia step’ i lesostep’ v epokhu rannego metalla (Volga and Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Age)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical University named after V. V. Kuybyshev, 3–23 (in Russian).

4. Vasil’ev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh’ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. Stone Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 216–277 (in Russian).

5. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam’ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

6. Vybornov, A. A., Gorbunov, V. S., Obydenov, M. F. 1982. In Merpert, N. Ya., Vybornov, A. A. (eds.). *Volgo-Ural’skaia step’ i lesostep’ v epokhu rannego metalla (Volga and Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Age)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical University named after V. V. Kuybyshev, 195–209 (in Russian).

7. Gabiashev, R. S. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel’skogo mezhdurech’ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–39 (in Russian).

8. Gabiashev, R. S. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel’skogo mezhdurech’ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Kazan, 40–66 (in Russian).

9. Gabiashev, R. S. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 11–24 (in Russian).

10. Gabiashev, R. S. 1982. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkhologii i etnografii Tatarii (New Discoveries into the Archaeology and Ethnography of Tataria)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–12 (in Russian).

11. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam’ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: “Fän” Publ., (in Russian).

12. Galimova, M. Sh. 2007. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 15 (I). Moscow, 137–143 (in Russian).

13. Galimova, M. Sh. 2008. In *Problemy izucheniia pervobytnosti i golotsena v Volgo-Kam’e (Issues of Study of Prehistory and Holocene in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan: “Alma-Lit” Publ., 48–92 (in Russian).

14. Galimova, M. Sh., Bugrov, D. G. 2007. In *Formirovanie i vzaimodeistvie ural’skikh narodov v izmeniaiushcheisia etnokul’turnoi srede Evrazii: problemy izucheniia i istoriografii (Formation and Interaction of the Uralic Peoples in the Changing Ethno-Cultural Milieu of Eurasia: Issues of Study and Historiography)*. Ufa: “Kitap” Publ., 104–109 (in Russian).

15. Galimova, M. Sh., Kazakov, E. P. 2009. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 7. Tver, 317–322 (in Russian).

16. Galimova, M. Sh., Churbanov, A. A. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 227, 172–179 (in Russian).

17. Kazakov, E. P. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 165–177 (in Russian).

18. Kazakov, E. P. 2005. In Zhilin, M. G. (ed.). *Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia* (*The Stone Age of the Forest Zone of Eastern Europe and the Trans-Urals*). Moscow: "Academia" Publ., 274–279 (in Russian).
19. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e* (*Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area*). Series: Arkheologiiia Povolzh'ia i Urala (Archaeology of the Volga Area and Ural) 1. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
20. Krizhevskaiia, L. Ya. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii* (*The Neolithic of Northern Eurasia*). Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 3. Moscow: "Nauka" Publ., 243–252 (in Russian).
21. Kosmenko, M. G. 1972. In *Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition*) I. Moscow: "Znanie" Publ., 46–56 (in Russian).
22. Kosmenko, M. G. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi* (*On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys*). Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 5–10 (in Russian).
23. Kosmenko, M. G. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia* (*Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves*). Series: Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition, Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology) 2. Raboty Tatarskogo otriada (Fieldworks of the Tatarian Team). Kazan: Academy of Sciences of the USSR, Kazan Branch, 5–21 (in Russian).
24. Lychagina, E. L. 2002. In Belavin, A. M. (ed.). *Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ia. Uchebnoe posobie dlia studentov i aspirantov* (*Essays on the History of Perm Cis-Urals: Textbook for graduate and post-graduate students*). Perm: Perm State Pedagogical University, 77–89 (in Russian).
25. Mosin, V. S. 2011. *Stoianka Shatanov 3 na ozere Irtiash* (*Shatanov 3 Site on the Irtyash Lake*). Chelyabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).
26. Mosin, V. S., Nikol'skii, V. Yu. 2008. *Kremen' i iashma v material'noi kul'ture naseleniia kamennogo veka Iuzhnogo Urala* (*Flint and Jasper in the Material Culture of the Southern Ural Stone Age Population*). Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
27. Mel'nichuk, A. F. 1990. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ia* (*Chalcolithic of the Ural and Volga Area Forest Zone*). Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Research Institute for History, Language and Literature, 97–104 (in Russian).
28. Nagovitsyn, L. A. 1984. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Problemy izucheniiia kamennogo veka Volgo-Kam'ia* (*Issues of the Volga and Kama Rivers Area Stone Age Studies*). Izhevsk: Udmurt Research Institute for History, Economics, Language, and Literature, 89–123 (in Russian).
29. Nagovitsyn, L. A. 1987. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Problemy izucheniiia drevnei istorii Udmurtii* (*Problems of Udmurtia's Ancient History Study*). Izhevsk: "Goskomitet Udmurtskoi ASSR po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoi torgovli" Publ., 26–43 (in Russian).
30. Nagovitsyn, L. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* (*Bronze Age of the Forest Zone of the USSR*). Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 28–34 (in Russian).
31. Sorokin, A. N. 2011. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy* (*Archaeological Sites of Eastern Europe*) 14. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 27–40 (in Russian).
32. Stokolos, V. S. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy* (*Copper Age in Southern Part of Eastern Europe*). Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 22–42 (in Russian).
33. Tarasov, A. Yu. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – srednevekov'ia* (*Adaptation of the Culture of Residents of Karelia to Peculiarities of the Natural Environment from Mesolithic to Middle Ages*). Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Russian Academy of Sciences, Karelia Scientific Center, 111–134 (in Russian).